

К тому времени, как Людмила снова догнала леди Шалти, они пересекали другую, меньшую площадь в западной части города. Вечерний свет пробивался между пространствами улиц и зданий, окрашивая их путь своим угасающим сиянием. Темные складки платья леди Шалти колыхались в контрасте с бледно-белыми фигурами ее сопровождающих; его роскошная богатая ткань, казалось, жадно поглощала то, что осталось от дня. Ее зонтик все еще лежал у нее на плече, время от времени лениво вращаясь и заслоняя Людмиле обзор.

Хотя она примерно знала, что ей нужно, Людмила все еще пыталась найти подходящие слова, чтобы передать свое бедственное положение леди Шалти. После того, как она смирилась с присутствием Нежити, возникли другие опасения: опасения, что если она пренебрежет ею каким-то незначительным образом, даже неосознанно, она обрекает свои владения на разрушение. Таким образом, она продолжала молча следовать за ней, пока та обдумывала то небольшое, что знала о общении с высшей знатью, и решала, какие формы этикета было бы уместно соблюдать.

Она последовала за ними с площади по большой дороге, которая петляла между зданиями. Он по-прежнему казался неестественно пустым; никто не выглядывал из закрытых ставнями зданий по обе стороны дороги, чтобы понаблюдать за их процессией. На каждом перекрестке темные стражи возвышались под уличными фонарями, бросая молчаливый вызов любому сопротивлению.

Что касается того, как далеко они проехали, Людмила задавалась вопросом, будет ли их путешествие просто продолжаться по извилистому кругу вокруг остальной части города и приведет их к северному въезду в центральный район. Она обнаружила, что приближается к троице впереди нее, думая о том, что их путешествие продолжится дальше, войдя в менее уважаемые и бедные районы города, прежде чем заметить, что группа впереди нее замедлила шаг. Посмотрев на сторожку у стены, которая отделяла самые бедные районы Э-Рантела от остальных, она увидела еще двух таких же темных стражей, стоящих по обе стороны закрытых ворот. Поперек нее лежал тяжелый деревянный засов; она поняла, что квартал для бедных был закрыт. За стеной не было слышно никаких признаков активности, и Людмила задалась вопросом, почему это так, и остаются ли жильцы все еще внутри.

Ее вопрос остался без ответа, когда кортеж свернул за несколько кварталов до ворот в переулок между двумя примечательными зданиями: большой гостиницей, которая, казалось, предназначалась для самых разных гостей, с таверной на первом этаже и складом, принадлежащим Гильдии торговцев, на другом. В отличие от главных улиц, небольшие переулки и переулки города не были заасфальтированы, и на них были влажные участки, оставшиеся после влажного зимнего сезона в низинах. Участок, ближайший к улице, был погрузочной площадкой для склада, и в тех местах, где колеса повозок выбили грязные колеи в переулок, было уложено множество деревянных досок разной длины. Заглянув в несколько открытых погрузочных площадок, мимо которых они проходили, она увидела, что здание, похоже, было пустым: ничего, кроме обрывков бумаги и нескольких выброшенных ящиков, разбросанных по полу склада. Гостиница напротив была закрыта и заперта, как и многие другие здания в городе, которые она видела по пути.

Когда они вышли за пределы склада, высота окружающих зданий стала ниже, но переулок сужался до ширины, которая могла вместить только пешеходов. Впереди леди Шалти и ее сопровождающие шли гуськом: женщины в алебастровых одеждах шли впереди и позади своей госпожи. Людмила проскользнула за ними, не желая слишком далеко блуждать по пустынному проходу. Переулок уже не был таким прямым, как раньше, ближе к главной улице, и по мере

их продвижения поворачивал то в одну, то в другую сторону. Теперь их путь больше походил на узкий каньон, чем на городскую аллею; почва под их ногами оставалась влажной и грязной из-за того скудного солнечного света, который она, вероятно, видела за день.

Она сосредоточилась на ногах, пока они шли по переулку, обходя лужи и выбоины, которые периодически появлялись на пути. Некоторое время спустя Людмила почувствовала дуновение холодного весеннего ветерка, проникающего между переполненными зданиями. Вместе с ним доносились слабые нотки древесного дыма, и она подняла взгляд, чтобы посмотреть далеко вперед на первые признаки жизни, которые она увидела в столице после своего краткого визита на Королевскую виллу.

Тени, отбрасываемые мерцающим оранжевым пламенем невидимого пожара, танцевали на стене переулка. Какие-либо детали были еще слишком далеки, чтобы разглядеть, но прокуренный воздух нес с собой отчетливые запахи человеческого жилья: аромат готовящейся пищи, запахи пота и поношенных тканей. Когда она приблизилась, вокруг стало светлее, и слабый гул голосов донесся сквозь дымку костров, на которых висели большие чугунные котлы. Наверху она заметила открытые окна, в которых иногда можно было увидеть людей разного возраста. Многие с любопытством смотрели вниз на небольшую группу, пришедшую с главных улиц.

Это было недалеко, прежде чем переулок вывел в небольшой внутренний дворик, расположенный в глубине скученных зданий. Высокие жаровни были расставлены по углам грубо вымощенной площади, и несколько мужчин и женщин стояли вокруг них, тихо переговариваясь между собой. Несмотря на признаки недавней уборки, возраст зданий, окружавших открытое пространство, скрыть было невозможно. Желтые и коричневые водяные знаки покрывали стены. Повсюду виднелись пятна побелки и старой глиняной штукатурки. Этот крошечный карман глубоко в недрах города, казалось, был забыт временем: возврат к эпохе, когда город был еще молод; улицы и здания были менее грандиозными. Даже материалы, использованные для строительства зданий, и планировка двора, казалось, были выполнены в совершенно ином стиле, чем основные магистрали космополитического города, который они оставили позади вместе с его мощеными дорогами. Возможно, только те, кто жил поблизости, вообще знали о существовании скрытой площади.

Мужчина средних лет с грузом без опознавательных знаков на плече прошел перед ними, слегка наклонившись в знак уважения к группе, когда проходил мимо. Его взгляд задержался на женщинах, но его шаг не замедлился, когда он исчез в узком переулке, направляясь туда, где лежала его цель. Судя по реакции людей, которые их заметили, это был не первый раз, когда они видели леди Шалти и ее сопровождающих в этом уединенном маленьком уголке города, который был далеко от глаз и Немертвых стражей.

То, как люди вели себя и общались друг с другом, явно указывало на то, что они простые люди, но у них не было свежего внешнего вида жителей более сельских районов, таких как Уорденс-Вейл. Хотя они, казалось, делали все возможное, чтобы сохранить свой внешний вид, многие носили одежду, покрытую грязью, сажой и потом городской жизни. Это были горожане, которые работали в переулках и зданиях за нетронутыми витринами магазинов, офисами гильдий и складами Э-Рантела – руки, ноги и спины, поддерживающие два столпа торговли и промышленности города.

Пока леди Шалти шла к центру площади, Людмила искала место, откуда она могла бы спокойно наблюдать за людьми, не мешаясь под ногами. Две женщины, стоявшие под одной из жаровен, заметили их проход, и после быстрого обмена репликами одна из них поспешила скрыться в коротком дверном проеме ближайшего здания. Оставшаяся женщина повернулась,

чтобы подойти к одной из служанок леди Шалти. Стоя на незанятом месте позади группы, Людмила не могла разобрать, что говорила женщина, когда та склонила голову, но низкий, жалобный тон заставил ее подумать, что это какая-то просьба. Служащая хранила молчание и не делала никаких движений, пока выслушивала женщину.

Под звуки женского голоса на заднем плане леди Шалти и ее оставшаяся сопровождающая направились к небольшой куче ящиков, где стояла другая сопровождающая с немного другой прической с планшетом в руке. Их хозяйка остановилась и повернулась, чтобы осмотреть окрестности, оглядываясь назад, на дорогу, по которой они пришли, и на небольшие группы людей, идущих по своим вечерам. Другая служащая двинулась вперед, чтобы встретить женщину, стоявшую у ящиков, которая начала что-то пространно говорить, держа перед собой планшет, время от времени жестикулируя какой-то ручкой в другой руке. Манеры складского клерка никак не вязались с ее прекрасной внешностью, и Людмила смущенно наблюдала со стороны, как эти двое тихо совещаются между собой.

Возвращение первой служанки заставило Людмилу снова обратить свое внимание туда, где в середине двора стояла леди Шалти. Она продолжала стоять к ней спиной, слушая, что должен был сказать дежурный. Четыре длинные тени протянулись от ее фигуры, отбрасываемые жаровнями в каждом углу, танцуя по земле, когда огонь мерцал и потрескивал вокруг нее. Зонт куда-то исчез, а длинный веер вернулся в ее левую руку. Получив легкий кивок от своей госпожи, служанка, в свою очередь, посмотрела туда, где стояла просительница, и жестом пригласила ее подойти.

Женщина подошла к зданию, где теперь стоял ее спутник, поддерживая в дверях третью девушку, и вместе они помогли ей подойти к даме, одетой в темные шелка, ожидающей посреди двора. Когда троица полностью появилась в поле зрения, узнавание вызвало у нее воспоминание из прошлого года: испуганный и болезненный вскрик одного из ее братьев, когда их отец резко дернул себя за ухо, чтобы отвести взгляд от нескольких ярко одетых и накрашенных женщин, стоящих на углу улицы. Был вечер, когда они возвращались в центральный район на пустой повозке по улицам города, и ее отец, который был занят тем, что ругал своих сыновей, не заметил, что его дочь тоже изучает их внешность. Две женщины, поддерживавшие третью, хотя и не были так ярко одеты, как те, из ее воспоминаний, скорее всего, были проститутками.

Медленно продвигаясь вперед, поддерживая девушку между собой, три женщины подошли к леди Шалти, опустив взгляды. После того, как они помогли девушке преклонить перед ней колени, первые двое почтительно отступили, несколько раз поклонившись, прежде чем остановиться и спокойно постоять на краю площади. Завернутая в короткое поношенное одеяло, женщина, стоявшая на коленях на земле, дрожала от холода раннего весеннего вечера. У нее был худой, изможденный вид, а ее кожа была покрыта порезами и синяками. Там, где она получила травму головы над левым виском, было темное пятно, а глубокий порез покрыл ее светлые волосы засохшей кровью и слегка блестел, продолжая сочиться. Ее светло-голубые глаза, казалось, то фокусировались, то расфокусировались, когда она смотрела на подол платья леди Шалти. Девушка, казалось, была не совсем там. Людмила снова посмотрела на глубокую рану сбоку на голове женщины и решила, что она, должно быть, получила какую-то другую, невидимую травму от удара.

Появление раненой женщины привлекло внимание нескольких прохожих, которые были встревожены ее окровавленным видом, когда ее осторожно вели на крошечную площадь. Пока они стояли и смотрели, другие замедлили шаг и остановились, чтобы посмотреть, что происходит. Во дворе воцарилась тишина, и в конце концов только редкое потрескивание жаровен нарушало тишину ночного воздуха. Краем глаза Людмила видела, как люди,

разбросанные по неровному, вымощенному булыжником двору, наблюдают за двумя фигурами в центре площади. Внезапная тишина привела к тому, что жители появились в окнах над головой, глядя вниз в поисках источника нехарактерной тишины в воздухе. Леди Шалти молча стояла в центре внимания, как будто ожидая, что энергия ожидания в воздухе возрастет еще больше. Затем, без единого слова или яркого действия, она протянула руку женщине, стоявшей перед ней на коленях.

Когда она потянулась вперед, глаза Людмилы расширились, когда она впервые заметила то, что было скрыто от ее взгляда, когда она следовала за леди Шалти по городу. Там, где тонкая, нежная рука с красивой фарфоровой кожей светилась в свете камина, также виднелась бледная плоть, натянутая на жилистый придаток. Она была намного длиннее, чем у обычного человека, и заканчивалась кистью с удлинненными пальцами, которые были слишком длинными и острыми, чтобы быть человеческими ногтями. Подперев рукой подбородок, женщина никак не отреагировала на это чудовищное зрелище, и Людмила поняла, что это было нечто такое, что она одна воспринимала благодаря своему Таланту.

Разум Людмилы закружился, пытаясь понять, что она видит. Леди Шалти приподняла подбородок женщины, чтобы посмотреть ей в лицо, и через мгновение ее чистый, женский голос был слышен через площадь.

""Регенерировать".

Яркое магическое свечение на мгновение окутало женщину, и синяки, видимые на ее лице и теле, исчезли без следа. Рана на ее виске закрылась, когда заклинание залечило порезы на ее коже. Девушка моргнула, когда боль, которая, должно быть, сопровождала ее травмы, медленно утихла. Ее челюсть двигалась, как будто собиралась заговорить, но пальцы, схватившие ее за подбородок, продолжали крепко держать.

Снова прозвучал голос леди Шалти.

""Удалить болезнь".

Второе, более тусклое свечение окутало женщину – на этот раз она застыла на месте, поднимая глаза на леди Шалти. В последовавшей тишине слеза скатилась по одной щеке женщины, затем по другой. Внезапно она рухнула на землю, тихо всхлипывая. На третьем прерывистом вдохе ее тихие, душераздирающие рыдания переросли в вопль, наполнивший ночной воздух. Женщина крепко ухватилась за подол платья леди Шалти, вливая в него жизнь, полную отчаяния и беспокойства, страха и стыда. На краю площади две женщины, которые вывели вперед своего спутника, тоже вытирали слезы.

Хотя плачущая женщина, цепляющаяся за ее платье, была по меньшей мере вдвое ниже леди Шалти, ее маленькая фигурка не сдвинулась с места. Действительно, казалось, что она вообще не обращала внимания на плачущую женщину у своих ног, вместо этого сосредоточившись на том, чтобы еще раз осмотреть свое окружение.